

НА КАМЕННОМ ЛОЖЕ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЦЕНАРИЙ

ХОДЖА АХМАД АББАС

Индийский писатель

В беседе с нами, переводчиками литературного киносценария «На каменном ложе», Ходжа Ахмад Аббас охарактеризовал это свое произведение как попытку показать тяжелое наследие, которое Индия получила в результате колониального режима. События, развертывающиеся в сценарии, происходят в первые годы освобождения от чужеземного гнета.

В жизни индийского народа наступила новая эра. Но не сразу мог избавиться народ от всех зол, доставшихся ему в наследство от старых колониальных порядков. Для этого потребуются многие десятилетия упорного труда. За десять с лишним лет, прошедших после завоевания национальной независимости, уже сделано многое. На индийской земле сооружаются мощные индустриальные предприятия, на полях появляются тракторы и комбайны, возводятся плотины, строятся жилые дома и рабочие поселки. Но Индию населяет около 438 миллионов человек. И не удивительно, что среди них немало еще не обеспеченных людей, людей, вынужденных ютиться в трущобах и даже на улицах.

Автор нарисовал впечатляющую картину человеческих страданий, но от нее отнюдь не веет безысходностью или пессимизмом. Умирая, бывший актер Анвар Миян проклинает свою трагическую судьбу, проклинает город, причинивший ему столько горя и убивший его. Но Бомбей продолжает жить. Молодой индеец Бхола верит в счастливое будущее своей родины. И он, и его юная жена Радха полны светлых надежд и, как утверждает автор, «их жизнь только начинается». Вместе с Бхолой и Радхой веришь, что их мечта обязательно осуществится, что со временем и они будут жить в одном из тех типовых домиков, сооружаемых по плану жилищного строительства третьей пятилетки Индии, макет которого им довелось увидеть в самые трудные дни их бездомной, бродяжнической жизни...

В настоящее время в Бомбее создается фильм по сценарию, который мы предлагаем вниманию читателей журнала «Азия и Африка сегодня». Небезынтересно заметить, что Х. А. Аббас является не только сценаристом, но и режиссером-постановщиком этого фильма.

Л. МОРОШКИНА, Б. ЭПЕЛЬФЕЛЬД

На углу безлюдной улицы стояло разбитое такси. И в тишине, охватившей спящий город, раздавалось лишь тиканье счетчика, насчитавшего уже 99 рупий и 90 пайс. Затем счетчик щелкнул, и прибавилось еще 10 пайс. Вслед за этим внутри его что-то зловеще хрустнуло, и механизм сломался.

Потом снова воцарилась тишина.

В молчании замершего города, словно симфония тишины, возник едва уловимый шопот:

Как это случилось?

Как это случилось?

Как это случилось?

Поезд мчался сквозь утро, подобно летящей стреле.

В грохоте колес слышалось биение молодых сердец, наполненных музыкой надежды.

Тарахтя,

грохоча,

врываясь в гулкие темные туннели,

пронизывая сердца гор, стоявших на его пути,

пронося по зеленым долинам сизое знамя дыма,

поезд летел по проснувшейся земле в Бомбей — город надежды.

У окна в одном из переполненных вагонов 3-го класса сидел Бхола. Молодыми жадными глазами смотрел он на мелькавшие перед ним картины. В это утро, полное надежд, он увидел:

чудесную панораму — гряды дальних гор; они словно проплывали, окутанные лиловатыми тучами, предвещавшими период дождей;

деревенских девушек — пестрые сари плотно облегли их стройные фигуры; девушки направлялись к колодцу с кувшинами на головах;

крестьян; они выводили на поля буйволов, неся на плечах небольшие плуги...

И Бхола наивно заметил, обращаясь к одному из своих попутчиков: «Посмотрите, плуги совсем такие же, как у нас, в Гиссаре, никакой разницы!»

Старик на это ответил: «А почему они должны быть другими?»

Юноша, наблюдая за тем, как на пашне шесть низкорослых буйволов тащат плуги, сказал: «Все же буйволы здесь невелики. У нас, в Гиссаре, вот такие громадные буйволы...»

Когда Бхола хотел показать руками, какие буйволы у них в Гиссаре, он нечаянно сбил набок тюрбан у одного из пассажиров и чуть не сорвал гунгат с головы какой-то женщины. И все засмеялись над его мальчишеской пылкостью и над тем, как он после этого смутился.

Казалось, и паровоз засмеялся, издав несколько коротких пронзительных гудков.

И когда поезд, изрыгая клубы пара, подошел к платформе вокзала, лицо Бхолы выражало и удивление, и радость, и надежду.

На козлах облезлого двухместного экипажа сидел старик-возница. За свою долгую жизнь он немало повидал таких юнцов, как Бхола. Они приезжали в этот большой город со всех концов страны и на все смотрели широко раскрытыми глазами. Старый человек с улыбкой смотрел на Бхолу, на его простую деревенскую одежду, на узел с постелью и сурахи¹, который он держал в свободной руке. Положив на тротуар свои пожитки, Бхола вынул из кармана измятый конверт и прочел

¹ Сурахи — глиняный сосуд для питьевой воды.

адрес: «Свалка Качра-Вала, № 17, Чхата Мала»... Старик поднял два пальца и сказал: «Две рупии».

Выдавший виды экипаж свернул в узкие переулки бомбейских трущоб. Бхола почувствовал гнилостный запах свалки задолго до того, как увидел ее. Сильное зловоние, исходившее из открытых сточных канав, ударило ему в нос. «Вот и приехали», — сказал старик, брезгливо сморщившись. — «Это и есть свалка Качра-Вала. Если не веришь — понюхай!»

Бхола осторожно достал из потайного кармана деньги и протянул старику две рупии.

Он снова прочел адрес, написанный на конверте: «Свалка Качра-Вала, № 17, Чхата Мала, Кхоли № 13...»

— Что такое Чхата Мала? — спросил он старика.

— Все время иди прямо, и ты в конце концов придешь туда, куда тебе нужно.

...Бхоле пришлось перешагнуть через тела двух мужчин, спавших в коридоре. С юношеским нетерпением взбираясь по лестнице, он то и дело задерживался на каждой площадке, где сидели, лежали, спали, кашляли, харкали, варили, ели мужчины, женщины, дети. Лай собак сливался со звуками человеческих голосов.

Наконец-то он добрался до шестого этажа. Но чтобы пройти к комнате № 13, ему опять пришлось перешагнуть через лежавших вповалку людей. В комнате было пусто. Он застал здесь только одного человека — маляра, белившего стены.

— Дядюшка Раму дома?

— Дядюшка Раму? — Маляр повторил это имя, не понимая, о ком идет речь.

— Мне нужен Чоудри Рам Дин. Я привез ему письмо от его друга. Понимаете, я приехал из Гиссара и буду жить у дядюшки Раму. Он обещал приютить меня.

В комнату вошел человек средних лет со злым лицом и гнилыми зубами. Он сказал с загадочной и в то же время жестокой улыбкой: «В таком случае тебе придется отправиться в Сонапур. Да, парень, твой дядюшка перебрался туда».

«В Сонапур?» — повторил Бхола. Это слово показалось ему знакомым, и он старался припомнить, где он слышал его. Усталый, он медленно шел по Куин-роуд, пока наконец не оказался у ворот крематория. «Сонапур». Он хотел войти, но сторож остановил его. «Сюда нельзя с вещами», — сказал он, показывая костлявым пальцем на узел и сурахи, которые юноша держал в руках. И Бхола оставил свои пожитки у ворот и вошел во двор. Несколько стариков стояло около пылающего костра, и, когда один из них железным прутом повернул объятый пламенем труп, Бхола с ужасом узнал в нем своего дядюшку Раму. Юноша стоял у костра до тех пор, пока пламя не поглотило мертвое тело и от него осталась только куча дымящейся золы.

На синем бархате неба вырисовывались силуэты зданий большого города. Сияла полная луна. Нежные звуки скрипки, наполнявшие воздух благоуханного весеннего вечера, создавали романтическое настроение. На балконе стояла влюбленная пара — юноша и девушка. Позади них развеивалась белая кружевная занавеска. Мелодия скрипки хорошо передавала их чувства в те счастливые мгновения, когда они смотрели друг другу в глаза. Станный музыкант играл на скрипке под балконом — старик, одетый в лохмотья, которые были когда-то роскошным фракком. На голове у него чернел рваный, измятый цилиндр. Даже сейчас, несмотря на его изорванную, невероятно грязную одежду и давно не бритое лицо, заросшее седой щетиной, даже

сейчас у него был вид настоящего артиста, когда он водил смычком по струнам своей надтреснутой скрипки.

На этой же улице была еще одна пара влюбленных. И на них музыка оказывала такое же чарующее действие. То были подметальщик и подметальщица улицы, присевшие отдохнуть на ступени мазгаина. И они мечтали о будущем...

Бхола стоял под фонарем, бросавшим яркий круг света на тротуар почти безлюдной улицы. Он чувствовал себя измученным. У него ныли уставшие ноги. Он часто озирался по сторонам, не зная, куда пойти... Мелодия звучала все громче и вдруг оборвалась. Молодой человек бросил с балкона монету, которую музыкант поймал в свой жалкий цилиндр и галантно раскланялся. И тут он заметил Бхола и протянул ему цилиндр. Поколебавшись, юноша бросил туда одну анну. И когда музыкант уже собрался уйти, он спросил его:

— Не скажете ли вы мне, где смог бы я сегодня переночевать?

Нищий музыкант ответил:

— Конечно, конечно... Я могу порекомендовать тебе «Тадж-Махал», «Рицу», «Посольскую». Это замечательные отели. Мне они отлично известны. Я играл в каждом из них. К услугам клиентов там всегда имеются комфортабельные номера с кондиционированным воздухом. Или, может быть...

Бхола не понимал: шутит ли старик или говорит серьезно. Он прервал его:

— Видите ли, у меня совсем мало денег.

— А сколько у тебя денег?

Бхола достал из кармана несколько монет и считал их:

— Одна рупия и десять анн.

Старый музыкант улыбнулся. Это была улыбка сострадания, она, казалось, говорила: «Значит, ты такой же, как мы». И он сказал:

— Пойдем со мной. Я знаю одно подходящее место для тебя... Это самый большой отель в Бомбее. Там сто тысяч номеров. Посмотрел бы ты, какие это высокие комнаты — потолки до самого неба. Свежий воздух подается туда круглые сутки и совершенно бесплатно. Ну, пошли... Но прежде надо представиться... Когда-то я был известен каждому как Джонни Банджо. Меня прозвали так, потому что я играл на этом инструменте и считался лучшим музыкантом во всей Индии. Ну а теперь меня называют просто Джонни.

По дороге они зашли в табачную лавку Бенараси, где музыкант каждый вечер по обыкновению покупал одну дешевую сигару. В лавке они застали худого длинноволосого юношу, который пришел сюда за несколько минут до их прихода. Он спросил лавочника, нет ли ему письма. Бенараси сказал:

— Каждый день ты меня спрашиваешь, но до сих пор не было еще ни одного письма. Откуда ты ждешь писем, Видиарти?

— Ниоткуда, — ответил юноша. — Мне просто нравится спрашивать. На всякий случай. А вдруг произойдет чудо.

Затем юноша протянул лавочнику большую книгу и сказал:

— Вот какую книгу я вам сегодня притащил. Дайте мне четыре анны, я очень хочу есть.

— А что это за книга? Я еще не успел прочитать «Безумного Халиба» — книгу, которую ты вчера принес мне. Надо сказать, что некоторые стихи совсем неплохие. Этому поэту следовало бы писать песенки для кино.

— Он сочинял такие песенки, только их у него

не брали: трудно было подобрать к ним музыку... Но сегодня, Бенараси, вам нечего беспокоиться. В книге, которую вы взяли сейчас у меня, три пьесы Калидасы: «Сакунтала», «Меджнун и...»

— Так и быть, — перебил юношу лавочник, пряча книгу и отсчитывая четыре анны.

Видиарти ушел. Лавочник достал из коробки сигару и, завернув ее в бумагу, вручил музыканту.

— Вот твоя сигара. Я завернул ее в «Безумного Халиба». Ну и чудак же, автор этой книги. Он сам, наверное, безумец: так хорошо пишет, а не умеет сочинять песенки для фильмов... Разве у него есть разум?..

Бхола обратился к лавочнику:

— Не разрешите ли вы и мне воспользоваться вашим адресом?

— Конечно, конечно, дружок. Все, у кого нет жилья, пользуются моим адресом. Запиши его: «Бомбей, Калаган-роуд, 11-й переулок, табачная лавка Бенараси»...

Поблагодарив лавочника, Бхола сказал:

— Дайте мне почтовую открытку. Я хочу написать домой.

Джонни Банджо и Бхола — один, дымя сигарой, а другой с почтовой открыткой в руке — подошли к Новому банку. И здесь, в тени этого огромного здания, Бхола увидел «знаменитый бомбейский отель». Его «номера» находились прямо на тротуаре и частично на мостовой. Некоторые обитатели «отеля» играли в карты при свете электрических фонарей. Поблизости сидел Видиарти с раскрытой книгой. Здесь были почти одни мужчины, лишь двое женщин, прижавшись к стене, высматривали для себя более уединенное и безопасное место. На аккуратно расстеленном тряпье лежала подушка с вышитыми на ней арабскими стихами. То была постель актера Анвара Мияна. Встретив музыканта, как старого друга, актер спросил:

— Кто это?

Бхола назвал себя. Лицо Анвара Мияна показалось ему знакомым.

— Почему ты смотришь на меня с таким удивлением, молодой человек? — поинтересовался актер, обращаясь к Бхоле.

— Кажется, я вас где-то видел... В каком-то фильме, — ответил Бхола. — Не вы ли играли старого короля в «Шахи Лакархара»?

Артист был несказанно польщен.

— Ты действительно запомнил меня в этой картине? А вот кинорежиссеры считают, что я больше ни на что не годюсь. Кому-то они дают большие роли и платят за это приличные деньги. Но настоящий артист всегда остается хорошим артистом, даже в маленьких ролях. Иначе ты никогда не запомнил бы меня. Не так ли, молодой человек?.. А где ты смотрел этот фильм?

— В Гиссаре — небольшом городке недалеко от Дели.

— В Гиссаре, говоришь? Конечно, я знаю этот город. Я приезжал туда в 1920 году с театром, и мы тогда ставили...

— Пьесу «Кун Ка Кун» Аги Хашри Кашмири.

— Совершенно верно. Но откуда тебе это известно? Тебя ведь в то время еще на свете не было.

— Отец рассказал мне. Это была единственная пьеса, которую ему довелось увидеть за всю свою жизнь. Отец часто повторял, что артист, игравший короля, был «вылитый король Бадшах».

— Это был я, мой мальчик, я...

Перед тем как улечься, Бхола достал карандаш и начал писать письмо матери. К нему подошло несколько человек. Один из них с удивлением вос-

кликнул: «Так, оказывается, ты умеешь писать! Прочти нам, что ты пишешь...»

Бхола писал и одновременно читал вслух написанное: «Здравствуй, дорогая мама! Я благополучно приехал в Бомбей. Пошел к дядюшке Раму. Но он умер за день до моего приезда. Поэтому мне сразу трудно было подыскать себе жилье. Но теперь я нашел вполне приличное пристанище. Это очень большой дом, и в нем много хороших людей. Здесь даже живет самый знаменитый артист, которого когда-то видел в Гиссаре покойный отец... Как только поступлю на работу, вышлю денег...»

В это время раздались чьи-то тяжелые шаги. И все тотчас же разбежались по своим местам. Один только Бхола остался сидеть с открыткой в руках, дописывая последние строки письма.

На тротуаре появился здоровенный детина со злым, жестоким лицом. В руках он держал жестяную коробку из-под сигарет. Каждый, к кому он подходил, не говоря ни слова, бросал в нее по одной анне. Обойдя всех, кто жил на панели, детина наконец направился к Бхоле, который все еще писал, перечитывая про себя написанное: «...не беспокойся обо мне, мама...»

Парень, на которого были устремлены все взгляды, встряхнул свою жестянку с монетами у самого уха Бхолы.

Бхола посмотрел на возникшую перед ним фигуру. Уже было темно, и юноша принял человека с протянутой рукой за нищего.

— Мне нечего тебе подать, — сказал юноша и опять принялся писать.

Раздался сдержанный смех. Обитателей улицы рассмешила опасная шутка новичка; никому и в голову не пришло, что он и в самом деле принял гангстера за невинного безобидного попрошайку.

Бандит схватил Бхола за шиворот и спросил:

— А ты знаешь, кто я такой?

Все замерли. Бхола ответил:

— Нет, не знаю. Но судя по всему, ты дурной человек.

Дерзкий ответ юноши вывел бандита из себя. Он изо всей силы ударил его по лицу, после чего последовало еще несколько ударов...

Бандит продолжал избивать Бхола, но никто не осмелился прийти ему на помощь. Все находилось в каком-то оцепенении, наблюдая за дракой; каждый оставался на почтительном расстоянии от этого страшного места. Были среди бродяг и такие, которые притворились спящими. Анвар Миян выразил свой протест тем, что начал вдруг произносить гневные монологи, бичующие тиранов. А престарелый Джонни Банджо, тоже до крайней степени взволнованный, достал из потрепанного футляра скрипку...

Сильный удар сбил Бхола с ног. Из разбитого носа капала кровь на открытку, которую он собирался послать матери.

— Теперь ты запомнишь, кто я такой, — закричал бандит. — Я Джага-дада — повелитель этих мест!

Он собирался уже уйти, но вдруг гневные звуки скрипки обрушились на бандита, как шквал неистового протеста. Джага оглянулся: дряхлый, немощный старик играл на разбитой скрипке. Но бандит не видел, каким гневом горели глаза музыканта, наполненные слезами. Не видел, с какой яростью он ударял смычком по струнам, словно это был не смычок, а нож, которым он разил тирана. Джага ушел. И когда его шаги стихли в отдалении, старый артист и другие обитатели улицы бросились к Бхоле.

(Продолжение следует)